

Среда, 7-го Июля 1904 года № 6357.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Среда, 7-го Июля 1904 года № 6357.

ОДЕССКИЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Около жизни.

ЧЕХОВЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

У.

(Окончаніе*)

Я подходилъ къ самому большому мѣсту.
— О принципахъ.

Разумѣется, я старался соблюдать какъ можно больше осторожности.

Я зналъ, что съ „принципами“ у Чехова связаны весьма непріятныя воспоминанія.

Я вспоминалъ его избраніе въ покойный „Союзъ писателей“...

Въ союзѣ писателей къ тому общему собранію, на которомъ избирали Чехова, были уже писатели всѣхъ отбѣнокъ, всѣхъ лагерей, всѣхъ направленій.

Былъ тогда уже въ составѣ этого союза даже Крушенанъ.

Принципистъ, но съ другой стороны.

Но было еще только Чехова.

Союзъ русскихъ писателей безъ Чехова—то же, наприимѣръ, что союзъ сценическихъ дѣятелей безъ Савиной.

И это, конечно, обращало на себя вниманіе.

Первый списокъ былъ уже опубликованъ. И каждый, прочитавшій этотъ списокъ, естественно спрашивалъ себя:

— А гдѣ же Чеховъ?

Чехова не было.

Воплощеніе истинной скромности, Чеховъ остался въ тѣни.

Со стороны Чеховъ слѣдилъ за первыми шагами „союза“. Слѣдилъ съ интересомъ и вниманіемъ. Но самъ оставался въ сторонѣ.

Пока на это не обратили вниманіе его друзья...

Чехова уговаривали баллотироваться.

— Вы ручаетесь за благопріятный результатъ?..

— Помилуйте, Антоновъ Павловичъ, какой же это союзъ писателей безъ васъ...

Со стороны Чехова, между тѣмъ, этотъ вопросъ не былъ простой шуткой.

Въ то время противъ Чехова въ отдѣльных писательскихъ кружкахъ т. наз. либеральнаго лагеря шла сильная агитация...

Только что появилась его „Мужики“.

— Такой талант! такой талант!—восхищались читатели.

— Помилуйте, какая вредная тенденція!—возмущались принциписты.

А „вредность тенденціи“ заключалась въ томъ, что въ „Мужикахъ“ нѣтъ тенденціи...

Есть настоящіе художественные перлы, есть изумительная наблюдательность, проглядывающіе изумительная возвышенность нравственнаго чувства автора...

Не было только народнической тенденціи, въ то время охватившей чуть-ли не весь либеральный лагерь...

Тенденція, которая заставляла тогда многихъ талантливыхъ писателей писать бездарныя вещи.

Беллетристика подгонялась подъ народническую тенденцію.

Публицистика подгонялась подъ тенденцію.

Все писалось съ „заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ“.

Чеховъ же писалъ съ натуры. Безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. По настроенію.

Только правду. Одну непрекрашенную правду.

И получилось высокохудожественное произведеніе. Производившее сильное впечатлѣніе своей искренностью...

Но.

— Антипринципальное.

Можете себѣ представить негодованіе дешевыхъ „либераловъ“!

И досталось же тогда Чехову!

Въ союзѣ русскихъ писателей его чуть-чуть не забаллотировали!..

— Такого талантливаго писателя?! Цвѣтъ родной литературы?!

— А его „Мужики“?

Чеховъ вспоминалъ объ этомъ индифферентъ съ улыбкой. Доброй, всепрощающей улыбкой.

— Писатель—острилъ онъ—если не желаетъ возбуждать противъ себя сильную партію—долженъ быть прежде всего дипломатомъ... Обо всемъ можно думать, но не все можно говорить, а тѣмъ болѣе писать!...

Для характеристики многихъ, многихъ бездарностей это было сказано очень мѣтко...

Въ томъ самомъ общемъ собраніи, на которомъ чуть-чуть не забаллотировали Чехова, избрали почетнымъ большинствомъ нѣсколько десятковъ совершеннѣйшихъ бездарностей, но —

— „Прикащиковъ господствующей идеи“—

Какъ мѣтко какъ-то выразился о нихъ А. Л. Волинскій...

Волинскій въ то время только что кончилъ свою поѣздку по Россіи съ лекціей объ идеализмѣ.

— Вотъ вамъ — вспоминалъ Чеховъ — живой примѣръ того, какъ отсутствіе дипломатическаго такта можетъ погубить писателя... Волинскій! Человѣкъ совершенно раздавленный сплоченнымъ либеральнымъ большинствомъ! За что?... Волинскій прежде всего большой талантъ... Писатель съ чуткой, любвеобильной душой... Кому какой вредъ причинялъ этотъ чезовѣкъ?... Какое кому дѣло до его вѣры, до его убѣжденій...

Разъ она покренна и таятся въ глубинѣ души!... Все несчастье Волинскаго въ томъ, что онъ слишкомъ горячъ, слишкомъ прямолинеенъ... Будь онъ хоть чуточку цинскреннѣе — о, онъ сдѣлалъ бы великолѣпную литературную карьеру!.. Его не изгнали бы изъ толстыхъ журналовъ, и передъ нимъ пресмыкались бы все тѣ пигмеи, которые со столбцовъ прессы бросаютъ въ него камнями... Я, вообще говоря, не принадлежу ни къ какому лагерю... Съ глубокимъ уваженіемъ, конечно, отношусь къ представителямъ передовой литературы... Но въ эту армію затесались многіе кликушествоующіе „либералы“... Безъ истинной вѣры, безъ души, главное, безъ тѣни дарованія...

Чеховъ называлъ нѣсколько именъ.

— Меня, право, изумляетъ иногда публика. Читающая публика. Она почти не умѣетъ отличить искренній порывъ отъ пошлаго обезьянничанья. Либерализмъ отъ либеральничанья. Либерализмъ симпатиченъ. Либеральничанье пошло... Но для огромнаго большинства публики и то, и другое одинаково почтенно. Несостыжимо!... Либеральничать—почтенно?! Волинскій не либеральничаетъ—и оттого вѣтъ къ нему уваженія...

Чеховъ тоже много страдалъ отъ того, что не „либеральничалъ“.

Но Чехова спасъ его гений.

Чеховъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы ему нужно было плыть по теченію.

*) См. №№ 6353, 6354, 6355 и 6356 „Одес. Нов.“.

Чеховъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы подчинить всѣхъ своему вліянію, своимъ настроеніямъ...

Властитель думъ, онъ могъ смѣло пѣть свою пѣсню тоски и безнадежности...

О Чеховѣ можно сказать:

— Передъ нимъ все преклонялось, хотя онъ не былъ „принципистомъ“!..

Какимъ же онъ долженъ былъ обладать талантомъ!

СИГЪ.